

ВЕЩЬ И ПОЛЬЗА

© 2017

Т. А. ДУБЯНСКАЯ

12–13 октября 2016 г. в Москве прошла конференция “**Вещь и польза**”, организованная междисциплинарной проект-группой “Под небом Южной Азии” Центра индийских исследований ИВ РАН. Для участия в этой, шестой по счету конференции проекта были приглашены 16 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Киева, которые ставили перед собой задачу обсудить категорию “материальность” в южноазиатском контексте. Отличительной особенностью данной конференции и проекта в целом является высокий уровень предварительной методологической подготовки и четкость в формулировке тематических рамок, что обеспечивает когерентность исследований, представленных для публикации или публичной презентации, создает условия для продуктивного диалога между участниками. В основе конференции, а также сборника статей, который будет подготовлен по ее материалам, лежит актуальное для современных гуманитарных исследований понятие “поворотов”, или парадигмальных сдвигов в исследовании социума, культурного пространства, человеческой психологии. В данном случае “поворот к материальному” в изучении стран Южной Азии, иными словами, – проблематизация материальных объектов, – позволил по-новому посмотреть на социологию повседневности и роль предмета или вещи жизни индивидуума, семьи, общины, сообщества, государства. Рабочая группа, возглавляемая И.П. Глушковой, выделила несколько тематических блоков, относящихся к категории “материальность”, которые легли в основу структуры конференции.

Конференция ПНЮА открылась презентацией очередного сборника, выпущенного под эгидой проекта, “Под небом Южной Азии: территория и принадлежность”, вышедшего в 2016 г. под редакцией руководителя проекта И.П. Глушковой и ответственного секретаря тома А.В. Бочковской.

По традиции, вступительное слово было предоставлено *И.П. Глушковой*. Ее выступление касалось методологических проблем в изучении материальной культуры Южной Азии, категоризации тем, согласования базовых определений. В качестве магистральных “подходов” к изучению вещи, материальной культуры в целом, были предложены: создание социальной “биографии” вещи; разбор знаковой нагрузки предметов, процесс становления артефакта; вопрос о нематериальной ценности вещи – например, ее религиозная или идеологическая функция, а также стабилизирующая или памятная роль; аспекты материальной ценности – рассмотрение предметов в контексте хранилищ, аукционов, актов дарения.

На первой секции “**Единицы хранения**” вещь и предмет рассматривались в контексте истории как репрезентативные артефакты, представляющие собой музейную, коллекционную ценность, как символы национальной или государственной идентичности и средоточие коллективной памяти, как артефакты условно бесполезные, как бы лишённые “жизни” на музейной витрине. Работа секции началась с выступления *Е.Ю. Ваниной* (ИВ РАН) «“Тигр Типу” дома и в неволе: транскультурное “переживание” артефакта». Докладчица познакомила слушателей с интригующей историей одной механической игрушки – музыкального автомата в виде тигра, который перегрызает горло солдату в форме, напоминающей форму войск Ост-Индской компании. Созданная французскими и индийскими мастерами в середине 1790-х гг., она находилась в коллекции правителя княжества Майсур Типу Султана, но уже на рубеже XVIII и XIX вв. была перевезена из Индии в Англию, где и пребывает по сей день, украшая Музей Виктории и Альберта в Лондоне. Этот удивительный артефакт в контексте истории Типу Султана предстал символом его противостояния английской военной мощи; однако в контексте лондонского музея “Тигр Типу” явился иллюстрацией того, как предмет может кардинально менять свое значение в зависимости от места расположения, организации экспозиции и предоставляемой информации.

Доклад *И.П. Глушковой* “Артефакты условной реальности: музей Динкара Келкара и иллюстрации Мадхури Пурандаре” также был связан с коллекционированием и аспектами конструирования памяти о прошлом. Центральными темами стали переход бытового предмета в музейный экспонат (на примере формирования коллекции Келкара в Пуне) и повседневность, запечатленная в книжных иллюстрациях (детские книги Пурандаре). Автор показала, как тривиальные вещи, изначально имеющие утилитарное значение и не несущие специальной символической роли, – скребок для пяток, инструменты для приготовления бетеля, скамеечка для ванной – со временем могут изменить и даже повысить свой статус, – например, если с ними связывают идею уходящего “традиционного” быта.

Таким образом, был совершен плавный переход к следующей секции – “Маркировки быта”. В докладе *А.А. Суворовой* (ИВ РАН) “*Дупатта* как символ скромности и аксессуар моды”, в котором раскрывались исторические и культурологические аспекты одного из самых важных предметов женской одежды в странах Южной Азии. Утилитарная функция женского покрывала – *дупатты*, пожалуй, превалирует над эстетической, ибо, по словам докладчика, закрывая голову, плечи или верхнюю часть туловища женщины, она играет роль символа скромности, что характерно для обществ, принадлежащих к так называемой культуре стыда и/или для авраамических религий. При этом было подчеркнуто домусульманское происхождение *дупатты* на территории Индии и соседних стран, где еще до раннего средневековья использовались только несшитые виды одежды. Конфессионально нейтральный предмет, *дупатта* тем не менее не только служит покрывалом или модным аксессуаром, но и, как показывают примеры из новейшей истории Южной Азии, нередко сигнализирует о классовой, клановой, даже партийной принадлежности человека и активно используется для построения публичного имиджа политических деятелей.

Если ношение *дупатты* характерно в большей степени для северных и западных районов Южной Азии (хотя не ограничено ими), то браслеты являются аксессуаром, распространенным абсолютно везде. “Эстетика и прагматика браслетной культуры в Индии” – тема доклада *И.А. Газиевой* (РГГУ, Москва). Выступление содержало большое количество сведений об этимологии различных региональных названий браслетов, классификацию видов браслетов в зависимости от материала, конструкции и функции, рассказ об их ритуальной роли, а также о конфессиональных и социальных аспектах их производства.

Выступление *М.А. Кузиной* (МГПУ) «“Чужое” и “свое”: индийский вещизм в языке и быте современной Великобритании» вывело разговор о материальности на лингвистический уровень. Внимание исследователи привлекли бытовые предметы, названия которых прочно вошли в современный английский язык в основном в качестве культурных реалий. В настоящий момент насчитывается как минимум 130 распространенных заимствований из индийских языков, зафиксированных толковыми и учебными словарями. Основу доклада составили теории лексического заимствования и стадий ассимиляции реалий и соответствующих им единиц речи, классификации заимствованных терминов по категориям. Были приведены примеры бытовой лексики, которая, будучи культурно окрашенной, тем не менее получила чрезвычайно широкое распространение и в повседневной речи британцев, и в СМИ Соединенного Королевства.

С.Е. Сидорова (ИВ РАН) посвятила выступление такому бытовому аспекту жизни колониальной Индии, как обустройство пространства вокруг жилища и уход за садами. В докладе “Тачка вместо тюрбана: индийские луддиты в английском саду” речь шла об определенном цивилизационном конфликте между владельцами садовых хозяйств, желавшими применить современные инструменты и приспособления, внедрить передовые методы ухода за растениями, и садовниками-*мали*, которые должны были воплощать их планы в жизнь. Докладчик отметила типичное для колониального проекта по “освоению” Индии представление о цивилизующей миссии западного мира, прогрессивном характере заграничных инструментов. Скептическое отношение местного населения к новшествам обычно объяснялось их ленью и негибкостью, нежеланием пользоваться современными методами в садоводстве.

На секции “Символы веры” были представлены доклады, связанные с темой предмета религиозном ритуале и сакрализации “нематериальности”. *О.П. Вечерина* (Федерал. И ин-т медиации, Москва) в докладе “Материализация тела Шивы в культовых практиках тамилского бхакти, мировом арт-рынке и поп-культуре” рассказала о развитии иконографии Шивы Натараджи (Шивы в образе Царя танца) в Индии и об истории распространения образа в Америке и Европе в XX в., проследив его постепенное превращение в артефакт массовой культуры. Сравнительно

недавние исследования бронзы, относящейся к династии Чолов, и многочисленные выставки средневековой южноиндийской пластики за рубежом привели к чрезвычайному росту популярности этого образа у коллекционеров, сделал Шиву Ната-раджу одним из самых дорогих музейных артефактов индийского происхождения.

Шива и его атрибуты находились в центре внимания *А.М. Дубянского* (ИСАА МГУ) “Священный пепел: овеществление шиваитского мифа”. Его выступление было посвящено материальной субстанции, которая, однако, обладает свойством связывать между собой вещественный и нематериальный миры. С одной стороны, пепел, собираемый на кремационных площадках, является конечным продуктом горения, т.е. символом смерти и уничтожения, а с другой благодаря сконцентрированной в нем энергии огня – источником возрождения к жизни. Докладчик привел различные сведения, касающиеся терминологии, производства, ритуального применения пепла, и ряд примеров из классической литературы на тамильском языке о целительных, охранительных и очистительных свойствах пепла.

Н.А. Железнова (ИВ РАН) в докладе “Материальные репрезентанты бестелесного в диамбарской традиции джайнизма” предложила дальнейшее развитие темы сакральной нематериальности, обратившись к примерам из джайнского ритуального обихода. Хотя диамбарская храмовая традиция использует символические изображения вероучителей-тирханкаров и допускает совершение материальной пуджи (обряда богочитания) мирянами, учение утверждает, что связи между миром сансары и вышедшими из него не существует. Вещественные субстанции, используемые во время пуджи, являются не чем иным, как репрезентантами атрибутов бестелесного и призваны напоминать адептам о выходе из сансары как конечной цели их существования. Идея бестелесности нашла уникальное выражение в особом роде изображения, известных как сиддхапратима-янтра, которые представляют собой обрамление для пустого силуэта, символизирующего достигшую освобождения душу.

Хотя в выступлении «Игрушки Авадха как воплощение героев “Рамаяны”» *М.Б. Демченко* (Рос. правосл. ун-т им. Св. Иоанна Богослова, Москва) обратился к объемным изображениям иного рода – красочным деревянным фигуркам, представляющим эпических героев, – мотив “нематериальности” здесь присутствует. Коллекции деревянных игрушек из Ayodhya Research Institute были взяты им как пример визуальной репрезентации различных бхав (эмоций), знакомых и рамаитам, и кришнаитам по богатой религиозной литературной традиции на авадхи и брадже, в первую очередь “Рамаяны” Тулсидаса. В обсуждении доклада также была затронута тема перехода изображения бога или героя из бытового в сакральное.

Доклад *Д.Е. Маркова* (Ин-т востоковедения им. А. Крымского НАН Украины, Киев) “Социальная, политическая и религиозная символика камня (*dhuṅgo*) в традиционном Непале”, посвященный практикам почитания обработанных и необработанных камней, ввел обсуждение категорию “экофакт”. Поклонение камням в естественной среде, в храмах и святилищах, в качестве репрезентантов *мандалы*, и т.п., является частью многих индусских, буддийских и смешанных культов в Непале, что, по всей видимости, связано с традиционным для этого региона представлением о камне как “проявлении” или “вместилище” сакральных, религиозных, политических, социальных и пространственных идей.

На секции “Атрибуты власти” выступили четыре постоянных участника проекта. В выступлении *Е.Ю. Ваниной* “Дворцы из ткани: быт, политика и эстетика императорских шатров Могольской Индии” в центре внимания оказался класс сложных по конструкции бытовых предметов высокого статуса, визуально воплощающих идею власти во время длительных поездок могольских императоров по подчиненным им территориям. Палаточные лагеря находились в ведении особой логистической службы и путешествовали впереди самого императорского обоза, чтобы обеспечить удобство для властителя и его приближенных. “Подвижная копия столицы” поражала сложностью своего устройства и богатством внешнего вида, внушая благоговение подданным. По свидетельствам “Аин-и Акбари”, воспоминаниям европейских путешественников и по многочисленным миниатюрам можно судить о высокой степени развития шатрового инженерного искусства – известно, что существовали и двухэтажные, и двойные шатры, а также гигантские шатровые конструкции, способные вместить до 10 тыс. человек.

Освоение Индии в XIX в. предполагало постоянные перемещения представителей или агентов колониальных властей по п-ову Индостан и прилегающим территориям. Один из способов овладения пространством был связан с постижением географии, топографии и созданием карт. *С.Е. Сидорова* в докладе “Инструментарий обмеров: по Центральной Индии с компасом, шагомером и секстантом” рассказала о рациональном подходе к освоению земель в Индии на примере картирования княжества Нагпур. Получение и систематизация топографической информации стали возможны благодаря разного рода измерительным приборам, которые постоянно усовершенствовались и адаптировались к географическим и климатическим условиям полуострова, работе многочисленных картографов, а также запискам офицеров и должностных лиц, дневникам путешественников и т.п.

Дипломатия представительских даров – тема сообщения *К.А. Демичева* (Росс. акад. народ. хоз. и гос. службы, Нижний Новгород). Сикхское государство на северо-западе континента играло особую стратегическую роль в сохранении политического и военного баланса сил в Южной Азии в первой половине XIX в. Поддержание отношений с махараджей Ранджитом Сингхом было одним из приоритетов для Ост-Индской компании, для чего в течение 30 лет между Британской и Сикхской империями происходил длительный интенсивный обмен дарами. В докладе “Неодушевленные дипломаты: предметы европейского происхождения в контексте англо-сикхских отношений” была рассмотрена polysемантическая функция британских подношений махарадже. Выбор подарков был не случаен, ибо дарители стремились не только доставить правителю удовольствие, но и завладеть его вниманием, подталкивая его к осознанию европейского превосходства. По мнению выступавшего, большинство даров успешно выполняли дипломатическую функцию, однако редко затрагивали Ранджита Сингха эмоционально. Некоторые неудачи в обмене дипломатическими подарками, впрочем, компенсировались тем успехом, которым у махараджи пользовались предметы вооружения, прежде всего огнестрельное оружие.

Завершило конференцию выступление *И.П. Глушковой* «“Идеальная карьера” сувенирного альбома из княжеского Дхара». Подарочная книга с памятными фотографиями, существующая всего в двух экземплярах в India Office Британской Библиотеки в Лондоне, выбрана автором в качестве примера реконструкции “социальной биографии” предмета – с фазы “рождения” (замысел ее создания в связи с визитом лорда Хардинга в Дхар в 1911 г., издание в 1912 г.) до “преклонного возраста/смерти” (обветшание, переход в хранилище). Артефакт, по мнению докладчика, представляет собой идеальный предмет для изучения одновременно нескольких аспектов материальности, выполняя сразу множество функций – от представительского символа и вместилища памяти до объекта научного исследования.

По завершении конференции был проведен “круглый стол” “ПНЮА: взлеты и провалы”, где обсуждались состоявшиеся доклады, проводились дискуссии по магистральным направлениям в исследовании материальности, намеченным в методологических разработках и отмеченным в ходе презентаций руководителями и участниками проекта ПНЮА, анализировалась деятельность рабочей группы за последние шесть лет и определялось ее будущее.

По общему мнению присутствующих, конференция отличалась высоким качеством презентации, участниками был собран богатый фактический материал, представляющий ценность для любого исследователя Южной Азии, будь то историк, экономист, филолог или социолог. Большинство сообщений содержало яркий визуальный материал и занимательные примеры, а многие темы и мотивы в докладах явно перекликались между собой, создавая единое пространство для дискуссий.